

Чжун Гуаньбай боялся, что Лу Цзаоцю будет волноваться:

— Я сам это сделал.

Произнеся это, он с сожалением закрыл рот, указал на себя пальцем и легонько хлопнул себя по лицу.

Голос Лу Цзаоцю звучал слабо:

— Ты вышел, и в итоге сделал с собой такое?

Эта мягкая упрёк вызвала у Чжун Гуаньбая сильную боль в сердце. Он подошёл к столу, взял бумагу и ручку и написал: «Тогда я не буду выходить, ладно? Главный Лу, я не хочу выходить». Закончив писать, он нарисовал жалобную рожицу и поднял лист бумаги, чтобы показать Лу Цзаоцю.

Лу Цзаоцю долго смотрел на Чжун Гуаньбая и слегка кивнул.

Чжун Гуаньбай присел на корточки, опустившись у кровати Лу Цзаоцю. У него было так много, что он хотел сказать сразу, но, к сожалению, Лу Цзаоцю ничего не слышал, поэтому он решил написать ему.

Лу Цзаоцю вздохнул:

— Не двигайся. Слушай меня.

Чжун Гуаньбай, как ученик на уроке, подпер голову рукой и смотрел на Лу Цзаоцю с мольбой в глазах.

— По крайней мере, сейчас я ещё не принял это, — Лу Цзаоцю опустил веки, не глядя в глаза Чжун Гуаньбаю. — Поэтому дай мне немного времени.

Чжун Гуаньбай отчаянно кивал, не в силах сдержаться, он быстро и торопливо повторял:

— Всё будет хорошо, всё будет хорошо, врач не сказал, что не будет лучше, точно будет хорошо, точно будет хорошо...

Но Лу Цзаоцю не слышал, он по-прежнему опустил взгляд, устремив его в пол. На его лице не было эмоций, но ресницы непроизвольно дрожали, выдавая внутреннее беспокойство. Прошло много времени, прежде чем он с трудом произнёс:

— До того времени... оставайся рядом со мной.

Мёртвая тишина.

Абсолютная тишина, в которой невозможно услышать даже собственное сердцебиение, способна сломить любого обычного человека, разрушить волю даже самого стойкого.

Тем более, что Лу Цзаоцю когда-то обладал необычайно острым слухом.

Он говорил: «Я верю только своим ушам».

Такие тонкие различия даже Лэнс, мастер по изготовлению скрипок, не смог уловить.

Это был дар, но и результат бесчисленных дней и ночей тренировок. Можно сказать, что эти дни и ночи сформировали нынешнего Лу Цзаоцю.

Добрый человек, лишённый добра, не может называться добрым человеком.

Тогда и Лу Цзаоцю, лишённый слуха, кажется, не может называться Лу Цзаоцю.

Лу Цзаоцю почувствовал, как кровать дрожит, он слегка поднял глаза и посмотрел на Чжун Гуаньбая.

Чжун Гуаньбай стоял на коленях на полу, лицо его было в слезах.

Лу Цзаоцю медленно поднял руку и вытер слёзы Чжун Гуаньбая:

— Не плачь.

Слёзы Чжун Гуаньбая продолжали капать беззвучно.

Лу Цзаоцю с трудом выдавил мягкую улыбку и, вытирая слёзы Чжун Гуаньбая, сказал:

— Ты вышел, и сделал с собой такое. А когда я сказал не плакать, почему не слушаешь?

Это было почти как каприз, слишком мягко. Лу Цзаоцю никогда так не разговаривал, и Чжун Гуаньбай, услышав это, почувствовал, будто кто-то крепко сжал самое мягкое место в его сердце. Слёзы не переставали падать на пальцы Лу Цзаоцю.

Через некоторое время Чжун Гуаньбай достал из кармана конверт.

Он написал на бумаге: «Главный Лу, обещаю тебе».

Лу Цзаоцю не сказал ничего, молча глядя на Чжун Гуаньбая.

Чжун Гуаньбай достал из конверта кольцо, которое ему передала медсестра. Он уже стоял на коленях, поэтому, не меняя позы, написал: «Моё кольцо ещё не готово, поэтому я использую твоё, чтобы сделать предложение».

Лу Цзаоцю посмотрел на два кольца, и его брови сдвинулись.

Чжун Гуаньбай снова написал: «Можно?»

Лу Цзаоцю уставился на эти три слова, его выражение было сложным, но в конце концов его взгляд на Чжун Гуаньбая стал спокойным и мягким:

— Нет.

Чжун Гуаньбай испугался, опасаясь, что они снова неправильно поймут друг друга, поэтому он написал всё, что смог вспомнить об их первом туре. Пока он писал, эти картины одна за другой всплывали в его памяти. Он вдруг вспомнил, как перед тем, как они приехали во Францию, Лу Цзаоцю смотрел на альбом их первого тура, и он случайно сказал Лу Цзаоцю: «Почему я тогда не был с тобой?»

Его сердце сжалось, и он серьёзно написал: «Главный Лу, я люблю тебя, и это не изменится из-за чего-либо. Я не хочу, чтобы та ошибка повторилась, ты отличаешься от других, я люблю тебя, ты отличаешься от прошлого себя, я тоже люблю тебя. Я всё ещё такой же, как и тогда — ты можешь отказать мне по любой причине, но это не сработает». Он продолжил писать, не останавливаясь: «Я буду есть с тобой, возить тебя туда, куда ты захочешь, писать музыку для тебя, слушать...»

Когда он написал слово «слушать», его рука вдруг дрогнула, и ручка с громким звуком упала на пол.

Он хотел написать «слушать, как ты играешь на скрипке».

Чжун Гуаньбай смотрел на слово «слушать», и слеза, упавшая из его глаза, размывала слово, сделав его неразборчивым.

На самом деле, он тоже не принял внезапную глухоту Лу Цзаоцю. Все эти диалоги, написанные на бумаге, были как временная репетиция. Разумом он был уведомлён о болезни Лу Цзаоцю, но подсознательно он не верил, что Лу Цзаоцю действительно больше не слышит.

Лу Цзаоцю мягко взял лист бумаги и внимательно посмотрел на написанное.

Чжун Гуаньбай не осмелился отнять бумагу у Лу Цзаоцю, но он боялся, что Лу Цзаоцю сильно отреагирует на прочитанное. Однако Лу Цзаоцю лишь задумчиво смотрел на бумагу.

Он читал о прошлом, написанное Чжун Гуаньбаем.

Прошло много времени, прежде чем Лу Цзаоцю тихо позвал:

— Гуаньбай.

Чжун Гуаньбай машинально ответил.

Лу Цзаоцю, казалось, о чём-то думал:

— Раньше Сяо Юй говорил, чтобы я относился к тебе лучше.

Чжун Гуаньбай покачал головой, Лу Цзаоцю уже не мог относиться к нему лучше.

— Тан Сяоли тоже говорил, чтобы я относился к тебе ещё лучше.

Чжун Гуаньбай продолжал качать головой.

— На самом деле, — тихо сказал Лу Цзаоцю, — я не так уж переживаю из-за эректильной дисфункции, меня не волнует, если другие будут смеяться.

— Просто когда я думаю, что такой хороший человек, как ты, случайно потерял что-то... — голос Лу Цзаоцю стал ещё тише, — мне становится очень грустно.

Эти тихие слова, дошедшие до ушей Чжун Гуаньбая, прозвучали как гром. Каждое слово, словно огромный стальной зверь, проезжал по нему, размалывая каждую кость в его теле вместе с внутренними органами.

— Поэтому сейчас я не могу заставить себя согласиться с тобой, — Лу Цзаоцю поднял руку и вытер слёзы Чжун Гуаньбая. — Ладно, не плачь.

Чжун Гуаньбай почувствовал себя змеёй, у которой схватили за самое уязвимое место. Он не мог пошевелиться, с трудом поднял ручку с пола, взял ещё один лист бумаги и написал: «Я не потерял ничего по сравнению с другими, у меня больше, чем у кого-либо. Главный Лу, подумай наоборот, если бы сегодня здесь лежал я, ты бы сделал мне предложение?»

Лу Цзаоцю смотрел на эти слова, долго не говоря ничего.

Чжун Гуаньбай вдруг подумал, что, вероятно, такой возможности просто не было бы, потому что Лу Цзаоцю никогда бы не позволил ему лежать здесь. Лу Цзаоцю всегда брал всё на себя, защищая его. Он уже собирался написать что-то ещё, но услышал голос медсестры.

Чжун Гуаньбай поднял голову, это медсестра открыла замок на двери палаты.

За ней шла Лу Инжу.

Медсестра подкатила аппарат, измерила давление Лу Цзаоцю, проверила зрачки и сказала, что всё в порядке, она придёт завтра утром.

Лу Инжу подошла, Чжун Гуаньбай молча передал ей бумагу и ручку, вышел из палаты и закрыл дверь.

Лу Инжу опустила взгляд и увидела на бумаге слова: «Я не потерял ничего по сравнению с другими, у меня больше, чем у кого-либо. Главный Лу, подумай наоборот, если бы сегодня здесь лежал я, ты бы сделал мне предложение?»

Лу Цзаоцю посмотрел на Лу Инжу и ответил на вопрос, который не ответил Чжун Гуаньбаю:

— Я бы сделал.

Лу Инжу быстро написала несколько строк, её почерк был уникальным, с оттенком решительности: «Ты бы не сделал. Если бы это был ты, ты бы не выбрал такой момент для предложения».

Она слишком хорошо знала Лу Цзаоцю и понимала, что его слова «Я бы сделал» были лишь попыткой скрыть неосторожность Чжун Гуаньбая.

Лу Цзаоцю молчал некоторое время:

— Его прямолинейность кажется мне милой. Сейчас я, — в его глазах промелькнула нежность, — чуть не согласился.

Лу Цзаоцю никогда не говорил таких вещей с Лу Инжу, да и вообще в семье Лу так не разговаривали. Лу Инжу на мгновение растерялась, но решила проигнорировать это и написала: «Тебе нужно отдохнуть, не говори. Я кратко объясню ситуацию. Я поговорила с врачом, завтра утром будет обследование, если ситуация плохая, мы переведём тебя в другую больницу. Я поговорила с Линь Каем, он сотрудничает с лучшей больницей по лечению ушей, горла и носа».

Лу Цзаоцю кивнул.

<http://bllate.org/book/15543/1382862>